

**ЯКОБ фон ШТЕЛИН, ПРИДВОРНЫЙ
ИСТОРИОГРАФ И ПЕДАГОГ XVIII в.***Памяти**Николая Александровича Копанева*

The article outlines the life of Jacob von Staehlin, member of the St. Petersburg (Russian) Academy of Sciences, who lived under several Russian monarchs beginning with Anna Ioannovna, and died in St. Petersburg in 1785. Being a typical man of the Age of Enlightenment, Staehlin had many talents and, during his service in the Russian Academy and at the court, showed his worth in different positions: as a master of fireworks, author of panegyric poems, educator of Prince Pyotr Fyodorovich (future Emperor Peter III), editor of the *Sankt-Peterburgskie Vedomosti*, permanent secretary of St. Petersburg Academy, founder of the Academy of Fine Arts, member and, later, secretary of the Free Economic Society. A writer, author of numerous articles on Russia in the foreign press, art historian, numismatist, teacher, memoirist, one of the first ideologists of what is now called the method of oral history – that is an incomplete list of interests of the main character of this article. However, relying on sources that are little-known in Russia, the author reconstructs the historical portrait of “another” Staehlin, a man of a difficult nature, acrimonious, ambitious, and inclined to intrigues. The researcher outlines both the portraits of Staehlin-scientist and Staehlin-courtier, analyzing the pedagogical principles that he applied while training the heir to the throne, his mordant characteristics of some Academy fellows, his administrative cares, his attempts to become the official historiographer of the Imperial Court of Russia. The author pays particular attention to the history of creation and publication of “Anecdotes” about Peter the Great which formed, alongside with other similar works, a stereotype image of the first Russian Emperor and his time.

Key words: Jacob von Staehlin; Peter the Great; Elizabeth of Russia; Tsarevich Peter; Academy of Sciences; Voltaire; Enlightenment; panegyric; anecdotes.

Эта статья основывается на классическом труде, составленном дальним родственником Якоба фон Штелина – историком, специалистом по России, профессором Берлинского университета Карлом Штелином (1865–1959). Он опубликовал в 1926 г. книгу под названием «Aus den Papieren Jacobs von Stählin» (Berlin, Akademie Verlag). Ав-

тор имел доступ до и после 1917 г. к архивам Академии наук в Санкт-Петербурге, архивам Министерства иностранных дел в Москве, а также работал с документами отдела рукописей Государственной Прусской библиотеки в Берлине (Geheimes Staatsarchiv preussischer Kulturbesitz). Уже в то время Карл Штелин сожалел об утрате некоторых документов, в том числе автобиографии своего героя, следы которой обнаружены в его переписке. Довершила дело Вторая мировая война; до наших дней сохранились только бумаги Якоба фон Штелина в Берлине [Nachlass Karl Stählin], наследие его потомка Карла почти пусто, при том что последний выступал в качестве усердного публикатора неизданных текстов о России XVIII в. Вопрос о возможном месте их хранения и объеме остается открытым. Труд же Карла Штелина «Aus den Papieren Jacobs von Stählin» представляет собой уникальное свидетельство о жизни и деятельности исключительного человека, обладавшего множеством талантов.

Якоб фон Штелин пятьдесят лет провёл в России, где благодаря своему расчётливому уму сделал блестящую карьеру в Академии наук; «привыкший раболепствовать», внешне покорный, он тем не менее оставил мстительные заметки и записки, не слишком лестные для его современников¹. Если верить его сочинению, то престиж Академии наук зависел исключительно от присутствия в ее составе немецких и швейцарских учёных². Якоб фон Штелин был очень близок к семье Иоганна Элера. Как только вставал вопрос об его русских начальниках или, того хуже, французских, Штелин начинал писать ядовито. По его мнению, русские, включая Ломоносова, пребывали в отсталости, не усвоили даже Коперника; что же касается французских ученых, то те отличались высокомерием, злобностью и суетностью разговоров [Aus den Papieren Jacob von Stählin..., S. 45]. Его личный дневник раскрывает трусливость членов Академии, их непростые отношения с властью, которая характеризуется в самых мрачных тонах. Зато его официальная переписка свидетельствует о предельной осмотрительности автора и даёт «подчищенную картину» внутренней жизни основанной Петром Академии наук. Первые следы его историографической деятельности надо искать в наблюдении за учёными, современниками великого царя, ностальгирующими по славному прошлому.

Штелин приехал в Санкт-Петербург в 1735 г. Академия переживала разгар кризиса. Как следствие, задачи, которые ставились перед её членами, не отвечали принятым на Западе научным критериям и оставались чисто утилитарными. Анна Иоанновна увлекалась метеорологией и астрологией, но мало заботилась о науках точных и гуманитарных [Пекарский, с. 461]. Зачастую исследование затруднялось природными

¹ Запись о «Дневнике» Иоганна Альбрехта Элера от 31 января (11 февраля) 1774 г., см.: [Dulac, p. 234]. О биографии Штелина см.: [Stählin, 1920; Пекарский; Записки..., т. 1, с. 7–26].

² Он был не одинок в этом мнении, Миллер тоже почитал это за честь, см. недатированное письмо Штелину: [Lehmann, p. 171]. Перевод цитат из сочинений Якоба фон Штелина автора статьи.

катаклизмами; местонахождение здания, где раз в две недели проходили заседания, было неудобным. Среди первых записей Штелина от 24 октября 1735 г. можно прочесть, что члены Академии расхотелись, не приступая к дебатам, так как невские паводки вынуждали их поскорее добираться до другого берега. Иными словами, городская планировка Санкт-Петербурга была плохо приспособлена к местности.

Через два года после приезда Якоб фон Штелин был назначен профессором риторики; в 1738 г. он преподавал историю литературы, определяемую как «элоквенции и поэзии», к этому добавились лекции по естественному и моральному праву [Материалы..., т. 3, с. 498]. Его задачи этим не ограничивались; он вёл официальную переписку Академии с двором и Сенатом, когда они пребывали в Москве. Некоторое время спустя ему была также поручена организация погребальных церемоний Анны Иоанновны, он имел должность помощника распорядителя, в обязанности которого входило размещение приглашённых [Там же, т. 4, с. 640, 682; т. 6, с. 524]. Его жалованье достигало тогда 680 рублей (не считая жилья, дров, свечей), к которым надо добавить доходы от частных лекций [Там же, т. 7, с. 564–565]. Вскоре Штелин обеспечил немецкое издание «Санкт-Петербургских ведомостей». Поэт Академии, верный своему учителю Готтшеду, он был еще и «борзописцем», сочинял поверхностные похвальные стихи, не задумываясь нанизывая рифмы и не слишком уделяя внимание неизменно подхалимскому содержанию [см., например: История Академии наук; Материалы..., с. 455]. Его соперники, французский лагерь, утверждали, что он воспроизводит элоквенцию двора Людовика XIV, но по мелкобуржуазной схеме [Aus den Papieren..., S. 51]. Были ли они так уж неправы? Не владея в совершенстве русским языком, Штелин мало-помалу терял родной язык; с годами его стиль отяжелел, загромождаясь анахронизмами. При этом он самоуверенно называл поэзию своих соперников, независимо от языка, *Afterdichtung* («поэзия задницы»).

Штелин воспользовался коронацией Елизаветы Петровны, чтобы от имени Академии наук представить ещё одну льстивую речь, приправленную дифирамбическими виршами о Петре Великом. Он настойчиво просил защиты и поддержки юной государыни; разве не обессмертят её имя и её священную персону поощрение исследований и искусств, разве не продолжат они труды её знаменитого отца? [Aus den Papieren, S. 96]. Он добился огромного личного успеха, став воспитателем великого князя Петра, что, правда, было небезопасно. В конце 1747 г. под эгидой Академии наук Штелин сумел создать Академию изящных искусств. Она должна была объединить лучших русских и иностранных специалистов. Его переписка с кандидатами свидетельствует, что он был готов согласиться на всё, даже на выплату им жалованья, которое президент Академии наук Разумовский почитал чрезмерным (письмо Г. Ф.Шмидту, январь 1757 г., письмо Г. Н. Теплову от 20 марта 1757 г.: [Записки, с. 415–416]). Тем самым он обеспечил руководство (был назначен «директором всех при Ака-

демии художеств» [История Академии наук, с. 186]), но был быстро отстранён ввиду создания новой Академии изящных искусств, возглавленной фаворитом Елизаветы Иваном Шуваловым.

В марте 1766 г. Штелин был назначен постоянным секретарём Академии наук. И тут же завален бесчисленными задачами: надзором за всеми отделениями, назначением профессоров, подготовкой научных экспедиций (в том числе экспедиций Палласа и Гмелина), ремонтом зданий и оборудования, реорганизацией гимназии, постановкой юридического обучения учеников и студентов. Наконец, приходилось заниматься тридцатью учениками и продвигать юных выпускников на службу в администрацию, например в качестве писарей в Сенат (письмо Миллеру от 23(5) марта 1765 г.: [Lehmann, S. 181]). Он вёл официальную переписку и прилагал старания к каталогизации архивов, восходящих к эпохе Петра Великого. Отношения Штелина с Орловым, поставленным во главе Академии в 1766 г., быстро ухудшились. Однажды Орлов публично разбил секретаря перед собранием профессоров за то, что он недостаточно громко читал письмо. Штелин не без сарказма ответил, что, будучи профессором риторики, он почитает за принцип читать плохо написанные письма вполголоса, прежде чем декламировать их публично. Отметим ещё раз его чувство юмора и ироничность, которые обеспечат ему самый большой успех после издания анекдотов о правлении Петра Великого.

В конце 1760-х гг. Штелин начинает пресыщаться «существованием ученого-островитянина» в русской столице³; он отказался быть делегатом Академии при Уложенной комиссии. В 1768 г. он вышел из редакции «Санкт-Петербургских ведомостей» из-за того, что газета, жаловался он впоследствии, ограничилась только сообщением о событиях на Корсике и с опозданием дала сведения о скандалах, вызванных иезуитами! [Aus den Papieren, S. 298]. На следующий год он покинул (или ему пришлось покинуть) секретариат Академии, освободив место молодому Иоганну Альбрехту Элеру. Записки Штелина по поводу Академии становились всё более желчными, мнение о некомпетентности и бескультуре Орлова, «человека деспотичного, странного и вздорного»⁴, проходит в них лейтмотивом. Не без лукавства записал он разговор между Элером и берлинским академиком Редерном, в котором последний утверждал: «Мой Бог, кто у вас президентом: он дурно отзывался о всех эрудитах, считает Академию бесполезной и, подобно Руссо, думает, что положение в мире ухудшается из-за наук» [Aus den Papieren, S. 298.]⁵. С 1770-х гг. Штелин начал посвящать себя трудам по истории, изящным искусствам и музы-

³ Речь идёт о выражениях, использованных Шлёцером, когда его побуждали покинуть Россию [Aus den Papieren, p. 298]; Штелин, с тем чтобы не уронить репутацию Академии, пустил слух, что последний уехал по соображениям здоровья (письмо Миллеру от 2 (13) апреля 1769 г. см.: [Lehmann, S. 272]).

⁴ Иоганн Альбрехт Элер, напротив, обвинял Орлова в том, что он «привержен демократии и совершенному равенству между членами Академии» [цит. по: Dulac, p. 232].

⁵ Слово «деспотизм» появляется также в письме Рибейро Санчесу от июня 1774 г. [цит. по Dulac, p. 233].

ке в России, в какой-то степени забывая свой девиз: *Kein Undank mache Dich in deinem Wolthun müde* («Никакая неблагодарность не должна препятствовать тебе в благодеянии») (письмо Миллеру, 16 (27) октября 1768 г.: [Lehmann, S. 274.]). Его карьера, наперекор бесчисленным превратностям, продолжалась вплоть до самой смерти в 1785 г.

В конце 1760-х гг. Штелин решил навести порядок в своих собиравшихся в течение более чем 35 лет заметках по истории Петра Великого и даже истории музыки и зрелищ в России. Привередливый в вопросах риторики, он не был, однако, застрахован от неприятного сюрприза: после более чем тридцати лет пребывания в России его немецкий устарел; в его речь вошли галлицизмы и русизмы, которые искажали чистоту языка. Решив добиваться известности на Западе, он начал с посылки своей «Истории театра» и «Эссе об изящных искусствах» Шлёцеру, более известному под псевдонимом Хайгольда, чтобы он опубликовал их в своих *«Beilagen zum neueränderten Russland»*. Шлёцер высказал своё восхищение, но подверг критике стиль Штелина как не вполне современный, перегруженный тяжеловесной риторикой. Разъярённый фейерверкер Романовых ответил: «Мои источники на немецком, и я не желаю их ретушировать. Если речь идёт о выразительности немецкого на московский лад, то я тут ни при чём, меня понимают!»

Напряжённость возросла, когда Шлёцер возразил ему по поводу текстов, которые «порадовали новую Россию», а именно серии анекдотов о Петре Великом: «Не надо судить, восхвалять и особенно расточать азиатскую лесть; нам потребны живые факты с простой естественностью комментатора. Панегирик приличествует иностранцам (намёк на Вольтера. – Ф.-Д. Л.), а выводы должны делаться для потомства. Именно таков стиль в Германии, тонкий, деликатный и чуткий. То, что выглядело прекрасным в его стиле и в его экспрессии до 1730 г., стало отныне пресным и обрело вкус Шпицбергена или Гренландии». И, переходя к Штелину: «К несчастью, я зачастую читаю в газетах банальные новости подобного рода: читатель рассудительный, образованный имеет от этого рвотные позывы, а я покрываюсь потом, когда в приличном обществе слышу людей, потешающихся над статьями Санкт-Петербургской прессы» [Aus den Papieren, S. 319]. Намёк на «Санкт-Петербургские ведомости», редактором которых был Штелин, не оставляет сомнений. Таким образом, публикация «Анекдотов» застопорилась.

Из-за Шлёцера Штелин утратил интерес к сочинительству, или никогда его не имел, и ушёл в старомодную историографию. Был ли он так уж неправ? Когда в Париже берётся анекдот о Петре Великом, заимствованный из воспоминаний Черкасова, то поражает не только совпадение фактов, но и некоторое стилистическое тяготение к «Мемуарам» Сен-Симона, посвящённым царю. Однако они покрывались пылью в архиве у нотариуса, и никто не осмелился их публиковать вплоть до 1788 г., даты самого первого неполного издания, вышедшего у Бюиссона. Штелин, умерший в 1785 г., не мог об этом почти ничего знать.

Мемуары «захудалого герцога» имели огромный успех начиная с XIX в. вплоть до наших дней; манера письма Штелина представляла собой историографический стиль начала XVIII в., который будет реабилитирован спустя 100 лет. Таким образом, он оказался как позади, так и впереди своей эпохи. Подобно Шлёцеру, Вольтер тоже почти не оценил бумаги немца и почти не использовал их в своём труде о русском царе.

Штелин сделался историографом благодаря двойному опыту. Приглашённый в Россию стараниями Иоганна Альбрехта Корфа, переводчика президента Академии, он немедленно принялся опрашивать тех, кто пережил царствование Петра Великого. Он активизировал такого рода деятельность во время правления Елизаветы. Весьма озабоченная сохранением памяти о своем отце, она повелела вернуть ко двору большое количество сановников петровской эпохи и доверила им престижные должности. Излюбленными собеседниками Штелина были генеральный прокурор Никита Трубецкой, два брата Бестужевы-Рюмины, старый фельдмаршал Бутурлин, который в течение двенадцати лет был «денщиком» царя, и ещё дипломат Иван Черкасов. Лесток и Минних, возвращённые из ссылки, охотно соглашались на опросы. Штелин стремился также войти в контакт с менее видными персонами, такими как строитель галер Игнатий Елатчин или его собственный сосед Борис Шабликин, который был комиссаром на ткацкой фабрике, специализировавшейся на производстве чулок. Кроме того, он обращал внимание на тех, кто был близок к Екатерине I. Бывшая пленная ливонка Анна Крамер после «зело» многочисленных авантур стала первой дамой «гардероба» императрицы. Штелин встретил её, дальнюю родственницу своей жены, в 1752 г. во время путешествия в Прибалтику. Она входила в число многочисленных любовниц царя и сопровождала императорскую чету во время второго путешествия на Запад в 1716–1717 гг., после чего осталась при Екатерине в Голландии, тогда как Пётр продолжил путь в Париж. Достоверно только то, что она пользовалась полным доверием суверена, ибо именно ей была поручена подготовка тела несчастного Алексея Петровича к погребению. Впрочем, дело Алексея Петровича едва затрагивается в «Анекдотах» только для того, чтобы сказать, что великий царь действовал ради любви к отечеству [Voltaire, 1957a, p. 29]. Агиографический дух сияет здесь в полную силу, тогда как Вольтер осторожно говорит о государственных соображениях [Voltaire, 1957b, p. 556].

С начала правления Елизаветы Штелина ожидала другая, более опасная задача – воспитание царевича, наследника Карла-Петера-Ульриха фон Гольштейна, будущего Петра III, о котором он тоже оставил воспоминания. По его словам, юноша отличался нервозностью и невнимательностью. Что угодно – муха, забытое кольцо для салфетки – могло отвлечь его от занятий. Штелин испытывал облегчение, когда его императорское величество ограничивалось тем, что барабанило руками или ногами. Считал чудом, когда Петр более четверти часа оставался на месте. Невежество, бросающиеся в глаза пробелы

в познаниях юноши были таковы, что приводили в замешательство даже Елизавету. Штелин имел чёткие представления об образовании, в особенности о преподавании истории, фундаментальной в данном конкретном случае. Речь шла об удержании внимания ученика, используя короткие истории, сопровождаемые картинками, портреты, карты, монеты. Более современная история (он связывал её начало с правлением Карла V (1500–1558)) требовала иного метода. В этом случае Штелин хотел дать ученику более прагматичные знания, основанные на международном праве. Поэтому он зачитывал выдержки из Пуфендорфа, Викфорта и других авторов о международных отношениях и затрагивал договоры, конвенции и правила субординации. Он хотел наделить молодого человека, предназначенного для наследования престола, практическими познаниями. Заботясь о том, чтобы не слишком обременять разум малосообразительного царевича, он попытался преподавать ему недавнюю историю посредством 40 синхронистических таблиц Бергера [см.: Berger]. Он дополнял такое обучение географией, подкрепляя рассказами о путешествиях, топографическими трудами, геральдикой и генеалогией.

Штелин вдохновлялся, очевидно, «Телемахом» Фенелона и «Планом обучения принца» Лейбница, которые проповедовали свободу, дух игры, а также эмпирический и спонтанный аспекты обучения. Приемы его исторических штудий нашли дальнейшее развитие. Наставник быстро заметил предрасположенность Петра к войне, осадам и фортификациям. Обучение тогда осуществлялось с помощью макетов, оловянных солдатиков, миниатюрного оружия и инструментов. Вскоре Штелин перешёл к преподаванию прагматической истории, он стал использовать памятные монеты, иллюстрируя крупные события правления Петра I. Видимо, именно этот прием положил начало формированию коллекции медалей, имеющих отношение к Петру Великому. Коллекция, задуманная Елизаветой и продолженная Екатериной II, стала объектом дебатов в Академии наук в 1772 г. Известны и неотделимые от «Анекдотов» рисунки, ярко иллюстрирующие рассказы. Тем не менее проект провалился, ибо русские академики не поняли друг друга. Чтобы привлечь внимание царевича, Штелин делал ставку на образцовость Петра Великого, вещественно подтвержденную медалью. Созданный образ подкреплялся анекдотом, и требовалось следовать этой модели, чтобы, в свою очередь, стать примером для нации.

Несомненно, что результатом изучения им жизни военных и инженеров стала написанная в 1745 г. «Рапсодия собранных сведений об инженерах в России», которая представляет собой коллекцию сведений в форме анекдотов о специалистах, работавших до и во время правления Петра Великого в России [Aus den Papieren, S. 113.]. Чисто событийная история не была сферой Штелина, он любил опрос, журналистский тип работы, позволявший ему, например, брать интервью у инженеров, работавших в своё время на верфях Ладожского озера. Он также давал просопографические сведения об этих персонажах и

настаивал на гугенотском происхождении многих из них. Несомненно, годы, проведённые с великим князем Петром, обострили намерение Штелина стать историографом русского двора. Доказательством тому бумаги, оставленные им об Елизавете и Петре III. В 1767 г. он отписал интенданту своего родного города Меммингена свои заметки и рукописи, из которых он рассчитывал извлечь пользу и которые восходили к годам его наставничества. Следует обратить внимание на следующие сюжеты:

- изобретение науки образа или языка образа, предназначенного для обучения (с примерами, черпаемыми из греческого *вкуса*?);

- воплощение истории Петра I в медалях, которые повелела изготовить Елизавета, для иллюстрации деяний своего отца, предназначенных для подарочных преподнесений, а также для распространения среди неграмотного населения;

- его коллекция «русской литературы» под титулом «Оригинальные русские авторы», объединяющая извлечения из летописи Нестора, из истории Смутного времени, из придворных хроник царей Михаила и Алексея, из военных бюллетеней Петра Великого, именуемых «ядром» русской истории;

- рукопись «Меморандума о служении изящным искусствам в России» (на французском);

- рассказ о «славном восшествии на престол» Елизаветы Петровны некоего очевидца (текст на итальянском);

- портфель со многими «Описаниями» и «Набросками» его изобретений для работ, выполняемых время от времени при императорском дворе в Петербурге и Москве (на французском).

В 1750-е гг. Штелин принялся за составление «Оригинальных анекдотов о Петре Великом». По настоянию Шувалова ему пришлось передать некоторое их количество Вольтеру ввиду подготовки его «Истории России при Петре Великом». Он сделал это неохотно, французов Штелин не жаловал [Lichtenhan, p. 321–332], и, по-видимому, предоставив Вольтеру более сотни анекдотов, исключил порядка дюжины текстов. Известна негативная реакция в России на публикацию первого тома «Истории России», вплоть до вопля возмущения в Петербурге, особенно по причине профанного, зачастую противоречивого содержания; менее идеализирующий, чем ожидалось, текст грешил небрежной орфографией относительно русских имён собственных. Штелин желчно высказал подозрение, что Вольтер использовал не все свои источники, чтобы публиковать и в дальнейшем пикантные анекдоты с коммерческой целью. Реакция философа известна: «Один немец попрекает меня; я желаю ему побольше ума и поменьше созвучных (согласных)».

Начиная с 1769 г. Штелин взялся приводить в порядок свои бумаги. Критическая оценка Шлёцера несомненно обескуражила его, ибо он придержал издание «Анекдотов» ещё на шестнадцать лет. В конечном счёте он опубликовал 116 коротких историй в год смерти, в 1785 г., у Брейкопфа в Лейпциге. Публикации не хватает хронологиче-

ского порядка; Штелин затруднялся с систематизацией информации, с отысканием ей места в воссоздании исторического процесса, не сумел справиться с противоречиями личности Петра; он оставил их как есть, будучи не в состоянии составить цельный портрет, или умышленно предложил портрет двуликого Януса, свидетельствующий о двойственной природе России: европеизированной в городе и московитской в деревенском мире. Эта работа резко отличается от великолепных, систематических и последовательных описаний того времени коронации Анны Иоанновны или Елизаветы. К тому же в течение десятилетия в Российской академии наук бушевали историографические дебаты, сталкивая Миллера и Ломоносова. Конкуренция с последним автором агиографических сочинений о Петре оставляла нашему автору, родной язык которого устарел после почти трёх десятилетий проживания в России, мало поля для маневра. Стиль его сочинений стал многословным, избыточным деталями, резко противоположным вольтеровской ясности. Можно говорить о типично галантной историографии рококо, игривой и асимметричной. Это небольшие картинки, характеризующие личность царя, вполне напоминающие «маленькие истории» Таллемана де Рео (Gédéon Tallemant des Réaux), тоже не издававшиеся в 1780-е гг. Царя можно увидеть лично вырывающим зубы, равно как и героем под Полтавой, а также жалким, но гордым во время Прутской капитуляции. Можно видеть Петра боящимся замёрзнуть в лютеранской церкви и по этой причине отбирающим парик у соседа. Царь бьет своего начальника полиции Девиера за плохое состояние моста, но при этом всё описывается восторженно, как если бы эти действия относились к поведению прогрессивного монарха. Штелин берётся также за историю в истории; Петр проявляет себя большим поклонником Ивана Грозного, который, по его мнению, заслужил титул «Великий», ибо только дураки, не знающие русский XVI век, могли назвать его тираном [Aus den Papieren, S. 317]. Не было ли это иронией со стороны Штелина, адресовавшего свое произведение, не будем этого забывать, германской публике, пресыщенной ужасными историями об Иване? Основание и украшение Санкт-Петербурга, реформы царя и их главные цели, наконец, его отношение к науке и искусствам – слишком сложные проблемы для издания такой направленности. Тем не менее речь идёт о мозаике, в которой возникают другие персоны, такие как Меншиков и Екатерина I. Книга содержит также обвинения, вполне соответствующие идеям Петра: коррупция администрации, обскурантизм церковников, косность некоего московитства, сопротивляющегося реформам.

Петр возникает как просвещенный деспот. (Автор опирается на легенду, созданную Фонтенелем, который, в свою очередь, вдохновлялся Феофаном Прокоповичем.) Как человек, способный взяться за самые невероятные дела, внимательный к мельчайшим деталям и имеющий пророческий дар. Простота его поведения создаёт яркий контраст с героями, не лишёнными в своих описаниях варварства и моральных недостатков.

Якоб фон Штелин явно подверг цензуре наиболее тёмные стороны портрета Петра, который тем не менее претендует на полноту образа. Доказательством является судебное дело царевича Алексея, по которому он не даёт ни подробностей о его бегстве, ни информации о смерти, тогда как Анна Крамер должна была бы знать об этом больше. Значит, тут имеет место цензура. Согласно Карлу Штелину, у которого на руках были материалы, ныне исчезнувшие, некоторые анекдоты были принесены в жертву и не использовались, чтобы не раздражать ту, которая воздвигла монумент с эпитафией «Петру Первому – Екатерина Вторая». Станным образом цензура затронула и Прокоповича. Архиепископ Новгородский говорил с попами и церковными иерархами, благоухая водкой и хватая их за сальные бороды с воплем: «Порождение дикобраза, на кого ты похож...». Тот же Прокопович велел выпороть священника, поскольку последний, пребывая в компании блудниц, не предстал у изголовья умирающего; он ограничился тем, что прислал рукавицу, в которую вложил своё благословение: *Se non è vero è bene trovato* (итал. «Если это не правда, то (по крайней мере) хорошо придумано»). Значит, у него был дополнительный материал, остаётся выяснить, где его искать, если он не уничтожен.

«Анекдоты» представляют собой, несмотря на некоторые преувеличения, образцовый документ того, что необходимо для создания образа России Просвещения, даже понимая ограниченность устной памяти. Эта мозаика из коротких рассказов, где создавался образ прогрессивной России, в которой Екатерина сменяла Петра, появилась в 1785 г., т. е. через четыре года после издания на английском, французском, русском и польском, – доказательство того, что вкус публики уже изменился. В Германии эта книжечка вновь имела успех благодаря публикации двенадцати анекдотов в «*Göttinger Taschenkalender vom Jahr 1790*», которые были украшены гравюрами. Они воспроизводились во всех трудах о Петре I в XIX в., начиная с тех, что показывали Петра рвущим зуб у молодой девушки. Как и Сен-Симона, Штеллина ждал посмертный успех. Даже сегодня анекдоты о Петре цитируются биографами зачастую без малейшего учета жанровых особенностей источника.

Записки Якоба Штелина об изящных искусствах в России / публ. К. В. Малиновского. М., 1990. Т. 1. С. 7–26. [*Zapiski Yakoba Shtelina ob izyaschnykh iskusstvakh v Rossii* / publ. K. V. Malinovskogo. M., 1990. T. 1. S. 7–26.]

История Академии наук СССР. 1958. Т. 1. [*Istoriya Akademii nauk SSSR*. 1958. T. 1.]
Материалы для истории Императорской Академии наук. СПб., 1887. Т. 3. (1736–1738); Т. 4; Т. 6. [*Materialy dlya istorii Imperatorskoj Akademii nauk*. SPb., 1887. T. 3 (1736–1738); T. 4; T. 6.]

Пекарский П. П. История императорской Академии наук. Т. 1. СПб, 1870–1873. [*Peckarskij P. P. Istoriya imperatorskoj Akademii nauk*. T. 1. SPb, 1870–1873.]

Aus den Papieren Jacob von Stählins. Königsberg; Berlin, 1926.

Berger T. Synehronistische Universal historie... Coburg; Leipzig, 1755. (Синхронная всемирная история наиболее знаменитых империй Европы, от сотворения мира до 1767 г., составленная в 40 таблицах).

Dulac G. La vie académique à Saint-Petersbourg vers 1770. D'après la correspondance entre J. A. Euler et Formey // *Académies et sociétés savantes en Europe (1650–1800)*. Paris, 2000.

- Lehmann U.* Der Gottschedkreis und Russland. Berlin, 1966.
Liechtenhan F.-D. Jacob von Stählin, académicien et courtisan//Cahiers du monde russe. 2002. T. 43. № 2/3. P. 321–332.
Nachlass Karl Stählin's, Geheimes Staatsarchiv preussischer, Kulturbesitz, F.7414.
Stählin K. Jacob von Stählin, ein biographischer Beitrag zur deutsch-russischen Kulturgeschichte des 18. Jahrhunderts. Leipzig, 1920.
Voltaire. Anecdotes sur le czar Pierre le Grand, p.p. R. Pomeau. P., 1957a, p. 29.
Voltaire. Histoire de l'Empire de Russie sous Pierre le Grand. OEuvres historiques, p.p. R. Pomeau. P., 1957b, p. 556.
-

Статья посвящена очерку жизни и деятельности Якоба Штелина – академика Петербургской (Российской) академии наук, пережившего несколько российских монархов начиная с Анны Иоанновны и скончавшегося в Петербурге в 1785 г. Будучи типичным человеком века Просвещения, Я. Штелин обладал разнообразными талантами и за годы своей службы в Российской академии и при дворе проявил себя в разных качествах: устроителя фейерверков и сочинителя панегирических стихов, воспитателя цесаревича Петра Федоровича (будущего императора Петра III) и редактора «Санкт-Петербургских ведомостей», постоянного секретаря Петербургской академии и основателя Академии изящных искусств, члена, а впоследствии секретаря Вольного экономического общества. Литератор, автор многочисленных статей о России в зарубежной прессе, историк искусств, нумизмат, педагог, мемуарист, один из первых разработчиков того, что сейчас называется методом «устной истории», – вот неполный перечень его интересов. Опираясь на малоизвестные в России источники, автор воссоздает исторический портрет «другого» Штелина, человека сложного характера, склонного к интригам, желчного и честолюбивого. Вниманию читателя представляется не только история Штелина-ученого, но и Штелина-царедворца. Раскрываются его педагогические приемы, разработанные для обучения наследника российского престола, его язвительные характеристики коллег по Академии, административные хлопоты, попытки стать историографом русского двора. Особое место в статье занимает история создания и публикации «Анекдотов» о Петре Великом, сформировавших стереотипные представления о первом русском императоре и России его времени.

Ключевые слова: Якоб фон Штелин; Петр Великий; Елизавета Петровна; цесаревич Петр; Академия наук; Вольтер; Просвещение; панегирик; анекдоты.

Francine-Dominique Liechtenhan (Франсин-Доминик Лиштенан), prof.
France, Paris
Centre National de la Recherche Scientifique
liechtenhan@sfr.fr